

Мещане

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бессеменов, Василий Васильев, 58 лет, зажиточный мещанин, старшина малярного цеха.

Акулина Ивановна, жена его, 52 года.

Петр, бывший студент, 26 лет

Татьяна, школьная учительница, 28 лет } его дети.

Нил, воспитанник Бессеменова, машинист, 27 лет.

Перчихин, дальний родственник Бессеменова, торговец певчими птицами, 50 лет.

Поля, его дочь, швейка, работает в семьях поденно, 21 год.

Елена Николаевна Кривцова, вдова смотрителя тюрьмы, живет на квартире у Бессеменовых, 24 года.

Тетерев, певчий }
Шишкин, студент } нахлебники у Бессеменовых.

Цветаева, учительница, подруга Татьяны, 25 лет.

Степанида, кухарка.

Баба с улицы.

Мальчишка, маляр.

Доктор.

Место действия — маленький провинциальный город.

ОБСТАНОВКА

Комната в зажиточном мещанском доме. Ее правый угол отрезан двумя глухими переборками, они выступают в комнату прямым углом и, стесняя задний план ее, образуют на переднем еще маленькую комнату, отделенную от большой деревянной аркой. В арке протянута проволока, на ней висит пестрый занавес. В задней стене большой комнаты — дверь в сени и другую половину дома, где помещаются кухня и комнаты нахлебников. Слева от двери — огромный, тяжелый шкаф для посуды, в углу сундук, справа — старинные часы в футляре. Большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное — да, так! да, так! В левой стене — две двери: одна в комнату стариков, другая — к Петру. Между дверями печь, облицованная белыми изразцами. У печи — старый диван, обитый клеенкой, пред ним — большой стол, на котором обедают, пьют чай. Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят у стен. Слева же, у самого края сцены, — стеклянная горка, в ней — разноцветные коробочки, пасхальные яйца, пара бронзовых подсвечников, ложки чайные и столовые, несколько штук серебряных стаканчиков, стопок. В комнате за аркой, у стены против зрителя, — пианино, этажерка с нотами, в углу кадка с филодендромом. В правой стене — два окна, на подоконниках — цветы, у окон — кушетка, около нее — у передней стены — маленький стол.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер, около пяти часов. В окна смотрит осенний сумрак. В большой комнате — почти темно. Татьяна, полулежа на кушетке, читает книгу. Поля у стола — шьет.

Татьяна (*читает*). «Взошла луна. И было странно видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света...» (*Бросает книгу на колени себе.*) Темно.

Поля. Зажечь лампу?

Татьяна. Не надо. Я устала читать...

Поля. Как это хорошо написано! Просто так... и грустно... за душу берет...

Пауза.

Ужасно хочется знать — какой конец? поженятся они — иль нет?

Татьяна (*с досадой*). Не в этом дело...

Поля. А я бы такого не полюбила... нет!

Татьяна. Почему?

Поля. Скучный он... И все жалуется... Неуверенный потому что... Мужчина должен знать, что ему нужно делать в жизни...

Татьяна (*негромко*). А... Нил — знает?

Поля (*уверенно*). Он знает!

Татьяна. Что же?

Поля. Я... не могу вам это рассказать... так просто, как он говорит... Но только — дурным людям... злым и жадным — плохо будет от него! Не любит он их...

Татьяна. Кто — дурен? И кто — хорош?
Поля. Он знает!..

Татьяна молчит, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь,
берет книгу с ее колен.

Хорошо это написано! Она очень уж привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вот как видишь женщину-то, в милом образе описанную, так и сама себе лучше кажешься...

Татьяна. Какая наивная... смешная ты, Поля! А меня — раздражает вся эта история! Не было такой девушки! И усадьбы, и реки, и луны — ничего такого не было! Все это выдуманно. И всегда в книгах описывают жизнь не такой, какая она на самом деле... у нас, у тебя, например...

Поля. Пишут про интересное. А в нашей жизни — какой интерес?

Татьяна (*не слушая, с раздражением*). Мне часто кажется, что книги пишут люди... которые не любят меня и... всегда спорят со мной. Как будто они говорят мне: это лучше, чем ты думаешь, а вот это — хуже...

Поля. А я думаю, что все писатели непременно добрые... Посмотрела бы я на писателя!..

Татьяна (*как бы сама с собою*). Дурное и тяжелое они изображают не так, как я его вижу... а как-то особенно... более крупно... в трагическом тоне. А хорошее — они выдумывают. Никто не объясняется в любви так, как об этом пишут! И жизнь совсем не трагична... она течет тихо, однообразно... как большая, мутная река. А когда смотришь, как течет река, то глаза устают, делается скучно... голова тупеет, и даже не хочется подумать — зачем река течет?

Поля (*задумчиво глядя перед собой*). Нет, я бы посмотрела на писателя! Вы читали, а я нет-нет да и подумаю — какой он? Молодой? старый? брюнет?..

Татьяна. Кто?

Поля. Вот этот писатель...

Татьяна. Он умер...

Поля. Ах... жалко как! Давно? Молодой?

Татьяна. Средних лет. Он пил водку...

Поля. Бедненький...

Пауза.

И почему это — умные люди пьянствуют? Вот этот, нахлебник ваш, певчий... он ведь умный, а — пьет... почему это?

Татьяна. Жить скучно...

Петр (*заспанный, выходит из своей комнаты*). Экая тьма! Кто это сидит?

Поля. Я... и Татьяна Васильевна...

Петр. Что ж вы огонь не зажжете?

Поля. Мы сумерничаем...

Петр. В мою комнату от стариков запах деревянного масла проходит... Должно быть, от этого во сне я видел, будто плыву по какой-то реке, а вода в ней густая, как деготь... Плыть тяжело... и я не знаю — куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мне какие-то обломки, но когда я хватаюсь за них — они рассыпаются в прах... гнилые, трухлявые. Ерунда... (*Насвистывая, шагает по комнате.*) Пора бы чай пить...

Поля (*зажигая лампу*). Пойду похлопочу... (*Уходит.*)

Петр. По вечерам у нас в доме как-то особенно... тесно и угрюмо. Все эти допотопные вещи как бы вырастают, становятся еще крупнее, тяжелее...

и, вытесняя воздух, — мешают дышать. (*Стучит рукой в шкаф.*) Вот этот чулан восемнадцать лет стоит на одном месте... восемнадцать лет... Говорят — жизнь быстро двигается вперед... а вот шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершок... Маленький я не раз разбивал себе лоб о его твердыню... и теперь он почему-то мешает мне. Дурацкая штука... Не шкаф, а какой-то символ... черт бы его взял!

Татьяна. Какой ты скучный, Петр... Тебе вредно жить так...

Петр. Как это?

Татьяна. Ты нигде не бываешь... только наверху у Лены... каждый вечер. И это очень беспокоит стариков...

Петр, не отвечая, ходит и свищет.

Знаешь — я стала сильно уставать... В школе меня утомляет шум и беспорядок... здесь — тишина и порядок. Хотя у нас стало веселее с той поры, как переехала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздников еще далеко... Ноябрь... Декабрь.

Часы бьют шесть раз.

Бессеменов (*высовывая голову из двери своей комнаты*). Засвистали козаченьки! Прощение-то, поди-ка, опять не написал?

Петр. Написал, написал...

Бессеменов. Насилу-то удосужился... эхе-хе! (*Скрывается.*)

Татьяна. Какое это прощение?

Петр. О взыскании с купца Сизова семнадцати рублей пятидесяти копеек за окраску крыши на сарае...

Акулина Ивановна (*выходит с лампой*). А на дворе-то опять дождик пошел. (*Подходит к шкафу, достает из него посуду и накрывает на стол*.) Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно. Старый дом-то... продувает... охо-хо! А отец-то, ребяташки, опять сердитый... поясницу, говорит, ломит у него. Тоже старый... а все неудачи да непорядки... расходы большие... забота.

Татьяна (*брату*). Ты вчера у Лены сидел?..

Петр. Да...

Татьяна. Весело было?

Петр. Как всегда... пили чай, пели... спорили...

Татьяна. Кто с кем?

Петр. Я с Нилом и Шишкиным.

Татьяна. По обыкновению...

Петр. Да. Нил восторгался процессом жизни... ужасно он раздражает меня... проповедью бодрости, любви к жизни... Смешно! Слушая его, начинаешь представлять себе эту никому не известную жизнь... чем-то вроде американской тетушки, которая вот-вот явится и осыплет тебя разными благами... А Шишкин проповедовал пользу молока и вред табака... да уличал меня в буржуазном образе мыслей.

Татьяна. Все одно и то же...

Петр. Да, по обыкновению...

Татьяна. Тебе... очень нравится Лена?

Петр. Н-ничего... она славная... веселая...

Акулина Ивановна. Вертушка она! Зряшная ее жизнь! Каждый божий день гости у нее, чай да сахары... пляс да песня... а вот умывальника купить себе не может! Из таза умывается да на пол воду хлещет... дом-то гноит...

Татьяна. А я вчера была в клубе... на семейном вечере. Член городской управы Сомов, попечитель моей школы, едва кивнул мне головой...

да. А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше, и поцеловал руку...

Акулина Ивановна. Экой бесстыдник, а? Где бы взять честную девушку под ручку да уважить ее, поводить ее по зале-то вальяжненько, на людях-то...

Татьяна (*брату*). Нет, ты подумай! Учительница, в глазах этих людей, заслуживает меньше внимания, чем распутная, раскрашенная женщина...

Петр. Не стоит замечать таких... пошлостей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

Акулина Ивановна. Ты почему знаешь? Лизал ей щеки-то? Сестру обидели, а он за обидчицу заступается...

Петр. Мамаша! Будет вам...

Татьяна. Нет, при матери совершенно нельзя говорить...

За дверью в сени слышны тяжелые шаги.

Акулина Ивановна. Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил... а то Степанида жалуется — тяжело, дескать...

Степанида (*вносит самовар, ставит его на пол около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говорит хозяйке*). Ну, и как вам будет угодно, а только опять говорю — сил моих нет лешего этакое таскать, — ноженьки подламываются...

Акулина Ивановна. Что же — особого человека нанять прикажешь?

Степанида. Как хотите! Пускай певчий носит — что ему? Петр Васильич, поставь на стол самовар, ей-ей, мочи нет!

Петр. Ну, давай... эх!

Степанида. Спасибо. (*Уходит.*)

Акулина Ивановна. В самом деле, Петя, скажи-ка ты певчему-то, пусть бы он самовар-от подавал? Право...

Татьяна (*тоскливо вздыхает*). О боже мой...

Петр. А не сказать ли ему, чтоб он воду носил, полы мыл, трубы чистил и, кстати уж, белье стирал?

Акулина Ивановна (*с досадой отмахивается от него рукой*). Что зря говоришь? Все это своим порядком и без него делают... А самовар внести...

Петр. Мамаша! Каждый вечер вы поднимаете сей роковой вопрос — вопрос о том, кому носить самовар. И поверьте, что вопрос этот пребудет неразрешенным до поры, пока вы не наймете дворника...

Акулина Ивановна. На кой шут он нужен, дворник? Отец сам двор убирает...

Петр. И это называется — скряжничеством. А скряжничать нехорошо, имея в банке...

Акулина Ивановна. Ш-ш! Нишкни! Отец услышит — он те задаст банк! Ты в банк-то деньги вложил?

Петр. Послушайте!

Татьяна (*вскакивая*). Петр, да оставь хоть ты... ведь терпения не хватает...

Петр (*подходя к ней*). Ну, не кричи! Незаметно для себя втягиваешься в эти споры...

Акулина Ивановна. Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

Петр. Изо дня в день — одно и то же... На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина...

Акулина Ивановна (*кричит в дверь своей комнаты*). Отец! Иди чай пить...

Петр. Когда истечет срок моего отлучения от университета, я уеду в Москву и, как прежде, буду приезжать сюда на неделю, не больше. За три года университетской жизни я отвык от дома... от всего этого крохоборства и мещанской суеты... Хорошо жить одному, вне прелестей родного крова!..

Татьяна. А мне вот некуда ехать...

Петр. Я говорю тебе — поезжай на курсы...

Татьяна. Ах, зачем мне курсы! Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

Акулина Ивановна (*снимая чайник с самовара, обожгла руку и вскрикивает*). Ах, пострели те горой!

Татьяна (*брату*). И я не знаю, не представляю — что значит жить? Как я могла бы жить?

Петр (*задумчиво*). Н-да, жить надо умеючи... осторожно...

Бессеменов (*выходит из своей комнаты и, оглядев детей, садится за стол*). Нахлебников звали?

Акулина Ивановна. Петя! Позови-ко...

Петр уходит. Татьяна идет к столу.

Бессеменов. Опять пиленого сахара купили? Сколько раз я говорил...

Татьяна. Ну, не все ли равно, папаша?

Бессеменов. Я говорю не тебе, а матери. Тебе, я знаю, все равно...

Акулина Ивановна. Всего фунт купила я, отец. Целая голова есть, только не успели расколоть... не сердись!

Бессеменов. Я не сержусь... Я говорю — пиленый сахар тяжел и несладок, стало быть, невыгоден. Сахар всегда нужно покупать головой...

и колоть самим. От этого будут крошки, а крошки в кушанье идут. И сахар самый (*заметая*) он легкий, сладкий... (*Дочери.*) Ты чего морщишься да вздыхаешь?

Татьяна. Ничего, ничего... так...

Бессеменов. А коли ничего, так незачем и вздыхать. Неужто отцовы слова так тяжело слушать? Не для себя ради, а для вас же, молодых, говорим. Мы свое прожили, вам — жить. А когда глядишь на вас, то не понимаешь, как, собственно, вы жить думаете? К чему у вас намерения? Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем... а какой свой порядок вы придумали? Вот он, вопрос. Н-да...

Татьяна. Папаша! Подумайте, который раз говорите вы мне это?

Бессеменов. И еще, и без конца, до гроба говорить буду! Ибо — обеспокоен я в моей жизни. Вами обеспокоен... Зря, не подумавши хорошо, пустил я вас в образование... Вот — Петра выгнали, ты — в девках сидишь...

Татьяна. Я работаю... я...

Бессеменов. Слыхал. А кому польза от этой работы? Двадцать пять рублей твои — никому не надобны и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, — я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду...

Акулина Ивановна (*все время разговора отца с дочерью беспокойно вертится на стуле, несколько раз пытается что-то сказать и, наконец, ласково спрашивает*). Отец! Ватрушечки... не хочешь ли? От обеда остались... а?

Бессеменов (*оборачиваясь к ней, смотрит на нее сначала сердито и потом, улыбаясь в бороду, говорит*). Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе-хе!

Акулина Ивановна бросается к шкафу, а Бессеменов говорит дочери.

Видишь, мать-то, как утка от собаки птенцов своих, вас от меня защищает... Все дрожит, все боится, как бы я словом-то не ушиб вас... Ба, птичник! Явился, пропащий!

Перчихин (*является в дверях, за ним молча входит Поля*). Мир сему дому, хозяину седому, хозяйке-красотке, чадам их любезным — во веки веков!

Бессеменов. У тебя опять разрешение вина?

Перчихин. С горя!

Бессеменов. С какого это?

Перчихин (*рассказывает, здороваясь*). Зяблика продал сегодня... Три года держал птицу, тирольской трелью пела, — продал! Почувствовал себя за этот поступок низким человеком и — расстрогался. Жаль птицу, привык... любил...

Поля, улыбаясь, кивает отцу головой.

Бессеменов. А зачем продавал, коли так?

Перчихин (*придерживаясь за спинки стульев, ходит вокруг стола*). Цену хорошую дали...

Акулина Ивановна. А что тебе деньги? Все равно зря промотаешь...

Перчихин (*усаживаясь*). Верно, мать! Деньги мне не к рукам... верно!

Бессеменов. Значит, опять-таки не было резона продавать...

Перчихин. Был резон. Слепнуть стала птица... стало быть, скоро помрет...

Бессеменов (*усмехаясь*). Ты, однако, не совсем дурак...

Перчихин. Рази я это от ума поступил? Это от низости природы моей...

Петр и Тетерев входят.

Татьяна. А Нил где?

Петр. Ушел с Шишкиным на репетицию.

Бессеменов. Где это они играть хотят?

Петр. В манеже. Спектакль для солдат.

Перчихин (*Тетереву*). Божьей дудке — почтение! Синиц ловить идем, дядя?

Тетерев. Можно. А когда?

Перчихин. Хоть завтра.

Тетерев. Не могу. Покойник есть...

Перчихин. До обедни?

Тетерев. Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось ли чего-нибудь от обеда? Каши или в этом роде чего-либо?..

Акулина Ивановна. Изволь, батюшка, есть. Поля, принеси-ка там...

Поля уходит.

Тетерев. Премного благодарен. Ибо сегодня, как вам это известно, не обедал я по случаю похорон и свадьбы...

Акулина Ивановна. Знаю, знаю...

Петр, взяв налитый стакан, уходит в комнату за аркой, сопровождаемый испытующим взглядом отца и недружелюбным — Тетерева. Несколько секунд все пьют и едят молча.

Бессеменов. А хорошо ты, Терентий Хрисанфыч, зарабатываешь в этом месяце. Почти каждый день покойник.

Тетерев. Везет... ничего.

Бессеменов. И свадьбы часто...

Тетерев. И женятся усердно...

Бессеменов. Вот накопи деньжат, да и сам женись.

Тетерев. Не хочется...

Татьяна уходит к брату, и между ними начинается тихая беседа.

Перчихин. Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни к чему. Лучше пойдем снегирей ловить...

Тетерев. Согласен...

Перчихин. Расчудесное это занятие — снегирей ловить! Только что снег выпал, земля словно в пасхальную ризу одета... чистота, сияние и кроткая тишина вокруг... Особенно ежели день солнечный — душа поет от радости! На деревьях еще осенний лист золотом отливает, а уж ветки серебрецом снежка пухлого присыпаны... И вот на этакую умилительную красоту — гурлы! гурлы! — вдруг с небес чистых стайка красных птичек опустится, цви! цви! цви! И словно маки расцветут. Толстенькие эдакие пичужки, степенные, вроде генералов. Ходят, и ворчат, и скрипят — умиление души! Сам бы в снегиря обратился, чтобы с ними порыться в снегу... эх!..

Бессеменов. Глупая птица, снегирь.

Перчихин. Я сам глупый...

Тетерев. Рассказано хорошо...

Акулина Ивановна (*Перчихину*). Младенец ты...

Перчихин. Люблю птичек ловить! Что есть на свете лучше певчей птицы?

Бессеменов. А ловить ее, птицу-то, грех. Знаешь?

Перчихин. Знаю. Но ежели люблю? И ничего кроме делать не умею. Я так полагаю, что всякое дело любовью освящается...

Бессеменов. Всякое?

Перчихин. Всякое!

Бессеменов. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

Перчихин. Это уж будет не дело, а воровство.

Бессеменов. Мм... Оно пожалуй...

Акулина Ивановна (*зевая*). Охо-хо! Скушно что-то... И как это по вечерам скушно всегда... Хоть бы ты, Терентий Хрисанфыч, гитару свою принес да поиграл бы...

Тетерев (*спокойно*). При найме мною квартиры, достопочтенная Акулина Ивановна, я не брал на себя обязанности увеселять вас...

Акулина Ивановна (*не разобрав*). Как ты сказал?

Тетерев. Громко и внятно.

Бессеменов (*с удивлением и досадой*). Смотрю я на тебя, Терентий Хрисанфович, и дивуюсь. Человек ты... извини за выражение, совсем... никудышный... никчемный, но гордость в тебе — чисто барская. Откуда бы?

Тетерев (*спокойно*). Врожденная...

Бессеменов. Чем же ты гордишься-то, скажи на милость?

Акулина Ивановна. Так это он — чудачит все. Какая в нем гордость может быть?

Татьяна. Мама!

Акулина Ивановна (*встрепенувшись*). А? Ты что?

Татьяна укоризненно качает головой.

Али я опять что не так сказала? Ну, ин буду молчать... Бог с вами!

Бессеменов (*обиженный*). Ты, мать, осторожнее выражай свои мысли. Мы живем среди лиц образованных. Они на все могут навести кри-

тику с точки науки и высших свойств ума. А мы с тобой люди старые, глупые...

Акулина Ивановна (*миролюбиво*). Что уж там! Конечно уж... они ведь знают.

Перчихин. А это ты, брат, верно сказал. Хоть и в шутку, а верно...

Бессеменов. Я не в шутку...

Перчихин. Погоди! Старики — действительно глупый народ...

Бессеменов. Особенно как на тебя посмотришь.

Перчихин. Я — не в счет. Я даже так полагаю: не было бы стариков — не было бы и глупости... Старый человек думает, как сырое дерево горит, — больше чаду, чем огня...

Тетерев (*улыбаясь*). Одобряю...

Поля ласково смотрит на отца и гладит его плечо рукой.

Бессеменов (*угрюмо*). Так, так! Ну, ври дальше...

Петр и Татьяна, прерывая свою беседу, с улыбкой смотрят на Перчихина.

Перчихин (*воодушевленно болтает*). Старики, главное дело, упрямые! Он, старик, и видит, что ошибся, и чувствует, что ничего не понимает, но сознаться в том — не может. Гордость! Жил, дескать, жил, одних штанов, может, сорок штук износил и вдруг — понимать перестал! Как так? Обидно! Ну, он свое и долбит — я стар, я прав. А куда уж? Ум стал тяжелый у него... А у молодых — ум быстрый, легкий...

Бессеменов (*грубо*). Ну, ты заврался, однако... Ты вот что мне скажи: коли мы глупы, стало быть — надо нас учить уму-разуму?

Перчихин. Где там? В камни стрелять — стрелы терять...

Бессеменов. Погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего же быстрые-то умы по углам от нас, стариков, разбегаются да оттуда смешные рожи показывают, а говорить с нами не хотят? Вот ты и подумай... И я пойду подумаю... один, коли глуп я для вашей компании (*с шумом отодвигает свой стул и в дверях своей комнаты говорит*) ... образованные мои дети...

Пауза.

Перчихин (*Петру и Татьяне*). Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

Поля (*улыбаясь*). Да это ты его обидел...

Перчихин. Я? в жизнь ни разу никого не обижал...

Акулина Ивановна. Эх, братцы! Нехорошо у нас... За что старика обидели? Все надутые, все недовольные... а он — стар, ему покой нужен... его уважать надо бы... Ведь отец... Пойду к нему. Палагея, ты вымой посуду-то...

Татьяна (*подходя к столу*). И за что на нас рассердился отец?

Акулина Ивановна (*в дверях*). А ты больше бегай от него... умная!

Поля моет посуду, а Тетерев, облокотясь о стол, тяжелым взглядом смотрит ей в лицо. Перчихин идет к Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходит в свою комнату.

Поля (*Тетереву*). Вы что смотрите на меня... так?

Тетерев. Так...

Перчихин. О чем думаешь, Петя?

Петр. Куда бы уйти...

Перчихин. Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мне, пожалуйста: что такое канализация?

Петр. Ну зачем тебе? Рассказывать это так, чтоб ты ясно понял, — долго... и скучно...

Перчихин. А ты сам-то знаешь все-таки?

Петр. Знаю...

Перчихин (*недоверчиво глядя в лицо Петра*). Мм...

Поля. Как долго не идет Нил Васильевич...

Тетерев. Какие у вас хорошие глаза...

Поля. Вы это и вчера говорили.

Тетерев. Скажу и завтра...

Поля. Зачем?

Тетерев. А не знаю... Вы, может быть, думаете, что я влюблен в вас?

Поля. Господи! Ничего я не думаю.

Тетерев. Ничего? Жаль! Вы подумайте...

Поля. Да... о чем?

Тетерев. Ну, хоть бы о том — чего ради я пристаю к вам? Подумайте и скажите мне...

Поля. Какой вы чудак!

Тетерев. Знаю... Вы говорили мне это. Я тоже повторю вам — уходите отсюда! Вам вредно бывать в этом доме... уходите!

Петр. Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?

Тетерев. Нет, не беспокойтесь! Я не считаю вас предметом одушевленным...

Петр. Неостроумно...

Поля (*Тетереву*). Какой вы задира!

Тетерев отходит в сторону и внимательно прислушивается к разговору Петра и Перчихина.

Татьяна (*выходит из своей комнаты, кутаясь в шаль, садится за пианино и спрашивает, разбирая ноты*). Нил еще не пришел?

Поля. Нет...

Перчихин. Скушновато... Да, вот что, Петя: прочитал я прошлый раз в листке, будто в Англии летающие корабли выстроены. Корабль будто как следует быть, но ежели сел ты на него, надавил эдакую кнопку — фию! Сейчас это поднимается он птицей под самые под облаки и уносит человека неизвестно куда... Будто очень многие англичаны без вести пропали. Верно это, Петя?

Петр. Ерунда!

Перчихин. А печатают...

Петр. Мало ли ерунды печатают.

Перчихин. Много разве?

Татьяна тихо наигрывает что-то грустное.

Петр (*с досадой*). Конечно, много!

Перчихин. Ты не сердись. И что это, в самом деле, все вы, молодые, на нас, подержанных людей, свысока глядите? И даже никак говорить не желаете? Нехорошо!

Петр. Дальше!..

Перчихин. Дальше вижу я, что надо мне уходить. Надоел. Поля, ты скоро домой пойдешь?

Поля. Вот уберусь только... (*Выходит из комнаты, сопровождаемая взглядом Тетерева.*)

Перчихин. Н-да... Забыл ты, Петя, как мы с тобой, бывало, чижиков ловили. В ту пору любил ты меня...

Петр. Я и теперь...

Перчихин. Вижу, чувствую... как ты теперь!

Петр. Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру...

Перчихин. Понимаю... Дядя Терентий! Идем пиво пить?

Тетерев. Не расположен...

Перчихин. Ну, я один. В кабачке — весело. В кабачке — просто. А у вас — с тоски помрешь, не в комплимент вам будь сказано. Ничего вы не делаете... никаких склонностей не имеете... А то давайте в карты играть? В свои козыри? Как раз четверо...

Тетерев смотрит на Перчихина и улыбается.

Не желаете? Ну, воля ваша... Стало быть, прощайте! (*Подходя к Тетереву, щелкает себя по горлу.*) Идем?

Тетерев. Нет...

Перчихин уходит, безнадежно махая рукой. Несколько секунд тишины. Отчетливо слышны тихие ноты пьесы, которую медленно разбирает Татьяна. Петр, лежа на кушетке, вслушивается и насвистывает мелодию. Тетерев встает со стула и ходит по комнате. В сенях, за дверью, с громом падает что-то железное — ведро или самоварная труба. Слышен голос Степаниды: «Куда те черт понес...»

Татьяна (*не прерывая игры*). Как долго Нил не приходит...

Петр. Никто не идет...

Татьяна. Ты ждешь Елену?..

Петр. Кого-нибудь...

Тетерев. Никто к вам не придет...

Татьяна. Какой вы всегда мрачный...

Тетерев. Никто не придет к вам, ибо у вас нечего взять...

Петр. Так говорит Терентий Богословский...

Тетерев (*настойчиво*). Замечаете ли вы, что у пьяненького, подержанного птичника — жив дух и жива душа его, тогда как вы оба, стоя на пороге жизни, — полумертвы?

Петр. А вы? Вы о себе какого мнения?

Татьяна (*вставая со стула*). Господа, оставьте! Ведь уж это было, было! Вы спорили об этом...

Петр. Мне нравится ваш стиль, Терентий Хрисанфович... И нравится ваша роль — роль судьбы всех нас... Но я желал бы понять — почему именно эту роль вы играете... Вы говорите всегда так, точно читаете нам акафист за упокой...

Тетерев. Таковых акафистов не бывает...

Петр. Ну, все равно. Я хочу сказать — вот вы не любите нас...

Тетерев. Очень...

Петр. Спасибо за откровенность.

Входит Поля.

Тетерев. Кушайте на здоровье.

Поля. Чем вы угощаете?

Татьяна. Дерзостями...

Тетерев. Правдой...

Поля. А я хочу идти в театр... Не пойдет ли кто со мной?

Тетерев. Я...

Петр. Что сегодня?

Поля. «Вторая молодость»... Идемте, Татьяна Васильевна?

Татьяна. Нет... Я в этот сезон едва ли буду ходить в театр. Надоело. Меня злят, раздражают все эти драмы с выстрелами, воплями, рыданиями.

Тетерев ударяет пальцем по клавише пианино, и по комнате разливается густой, печальный звук.

Все это неправда. Жизнь ломает людей без шума, без криков... без слез... незаметно...

Петр (*угрюмо*). Разыгрывают драмы на тему о страданиях любви, и никто не видит тех драм, которые терзают душу человека, стоящего между «хочу» и «должен»...

Тетерев, улыбаясь, продолжает бить по клавишам басов.

Поля (*смущенно улыбаясь*). А мне нравится в театре... ужасно. Вот, например, Дон Сезар де Базан, испанский дворянин... удивительно хорошо! Настоящий герой...

Тетерев. Я похож на него?

Поля. Ой, что вы! Совсем ни капли!..

Тетерев (*усмехаясь*). Эх... жаль!

Татьяна. Когда актер на сцене объясняется в любви — я слушаю и злюсь... Ведь этого не бывает, не бывает!..

Поля. Ну, я иду... Терентий Хрисанфович, — идете?

Тетерев (*перестает трогать клавиши*). Нет. Я не пойду с вами, если вы не находите во мне ничего общего с испанским дворянином...

Поля, смеясь, уходит.

Петр (*глядя вслед ей*). Что ей испанский дворянин?

Тетерев. Она чувствует в нем здорового человека...

Татьяна. Он красиво одет...

Тетерев. И весел... Веселый человек — всегда славный человек... Подлецы редко бывают веселыми людьми.

Петр. Ну, с этой точки зрения вы должны быть величайшим злодеем на земле...

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЩАНЕ	5
НА ДНЕ	127
Владислав Ходасевич. ГОРЬКИЙ	217